

патріарха Игнатія, потому что добрыми отношеніями съ ними онъ дорожилъ для другихъ цѣлей: ему нужна была ихъ помощь. Съ другой стороны, онъ не менѣе также опасался, чтобы и славянскіе князья, Ростиславъ и Коцель, окончательно не отпали отъ него и не передались подъ власть царьградскаго патріарха: въ такомъ случаѣ онъ терялъ бы большое число своихъ духовныхъ дѣтей, не говоря уже объ умаленіи достоинства и блеска его папской власти. Поэтому, въ глубинѣ души мало сочувствуя св. братьямъ, Адрианъ II, подъ разными предлогами, задерживалъ ихъ въ Римѣ. А между тѣмъ они скорбѣли, что у нихъ время уходитъ безъ всякой пользы и что ихъ духовныя дѣти—Славяне остаются безъ всякаго духовнаго руководства.

Св. Кириллъ, немощный ранѣе, началъ хворать здѣсь въ Римѣ еще сильнѣе, чѣмъ прежде. Его послѣднія минуты трогательно и живо описываются въ древнемъ житіи его. Болѣзнь подтачивала здоровье св. Кирилла медленно и безпощадно. И вотъ, почувствовавъ приближеніе своей кончины, онъ началъ пѣть псаломъ царя Давида: *Возвеселихся о рекшихъ мнѣ: въ домъ Господень поидемъ* (Пс. 121, 1). Въ тотъ день сердце его было полно тихимъ весельемъ и лицо его дышало небесной радостью. Онъ спокойно и безтрепетно ожидалъ конца своей земной жизни. И прощаясь съ этимъ міромъ, онъ сказалъ: «Съ этихъ поръ я ни царю не слуга и никому иному на землѣ, а только Богу Вседержителю, какъ былъ, такъ и есмь во вѣки.» Утромъ на слѣдующій день онъ принялъ схиму и имя Кирилла, въ знакъ совершеннаго отреченія отъ міра.

Братъ его, св. Меѳодій, и ученики стояли вокругъ, подавленные чувствомъ безысходной скорби, взирая на него со слезами на глазахъ и внимательно слушая его послѣднія рѣчи. Прошло еще пятьдесятъ дней и часъ смерти приблизился. Св. Кириллъ торопился передать своему брату желанія и мысли о православно-славянскомъ дѣлѣ. Со своего смертнаго ложа, чуть слышнымъ и слабымъ голосомъ, говорилъ онъ брату: «Братъ мой! съ тобою мы были, какъ пара воловъ, которые вспахиваютъ одну и ту же борозду, запряженные вмѣстѣ. И вотъ я падаю на бороздѣ, окончивъ день свой, а ты, я знаю, сильно любишь гору свою Олимпъ, но для нея не оставляй ученія своего среди Славянъ: этимъ ты вѣрнѣе спасешь душу.» Затѣмъ онъ въ послѣдній разъ наставилъ своихъ учениковъ, какъ и что нужно дѣлать, молился объ умноженіи церкви Христовой и объ утвержденіи вѣрующихъ въ единомысліи и православіи.

Думая о Славянахъ и воздѣвая руки свои къ небу, онъ со слезами молился: *Господи Боже мой! Иже еси вся ангельскія чины и безплотныя составъ силы, послушай молитвы моея и вѣрное стадо Свое сохрани; ему же*

*